

Екатерина Сирота родилась в Воронеже. Окончила факультет прикладной математики и механики Воронежского государственного университета. Преподает высшую математику в родном вузе, кандидат физико-математических наук. Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов. Автор двух книг прозы, изданных в Москве при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Екатерина Сирота

КОФЕ В ПЛАСТИКОВОМ СТАКАНЕ

Рассказ

Ирина почти бежала по длинному коридору главного корпуса университета. Звонок уже прозвенел, а она за пятнадцать лет работы опоздала считанное количество раз. Не любила Ирина опаздывать, и через пять минут после звонка закрывала дверь аудитории изнутри на ключ. Такое было негласное правило, точные науки требуют внутренней дисциплины. Студенты привыкли. А сегодня... как всегда неожиданно в начале декабря для снегоуборочной техники, коммунальщиков и всего города начался снегопад. Снег укрывал их город почти каждую зиму именно в начале декабря, а в этом году особенно щедро сыпало с небес. Транспортный коллапс, толпы на остановках, и только звенящее детским смехом счастье ребятишек, идущих утром в садик и школу, переливалось с благодарностью к этому сказочному времени года.

Оставила куртку в студенческой раздевалке. Мельком глянула в зеркало, хорошо, что недавно очень коротко подстриглась, вьющиеся волосы почти не требовали укладки. Щеки пылали, хотелось пить, утром позавтракать не успела. Аудитория была открыта, студенты четвертого курса, Ирина читала лекцию для будущих программистов.

Пока приветствовали друг друга стоя, пыталась успокоить ум. Эту фразу часто повторял ее бывший научный руководитель: «Ира, успокой ум и настройся на математику!» Почти шестьдесят пар глаз за эти шестьдесят секунд подробно рассматривали ее, она чувствовала, но давно привыкла. А первые годы в такие мгновения хотелось поправить прическу, макияж, одежду, приходилось успокаивать ум.

Грохот стульев, Ирина повернулась к доске с мелом, абсолютная тишина — и симфонией в ней звучащая высшая математика. И почему-то вдруг сюда вплелись тонкие нотки кофейного аромата. Даже немного закрыжидась голова, от голода, наверное. Сделала глубокий вдох — и снова к аудитории. На первой парте студент Иван Ткачук — староста, активист, харизма, бешеное обаяние и амбиции — пил кофе из большого, расписанного кофейными зернами пластикового стакана. Ирина молча посмотрела на него так, как могла только она, приподняв одну бровь. Коллеги на кафедре называли — фирменный Иркин взгляд по укрощению первокурсников. Всю себя вложила в этот взгляд со всем своим советским прошлым, убеждениями и принципами. Ткачук сделал большой глоток, спокойно и дерзко смотрел прямо в глаза.

— Позавтракать не успел, Ирина Анатольевна. Можете продолжать.

— Ткачук, выйдите за дверь и допейте в коридоре.

— Так звонок через пять минут.

Иван повернулся к соседним рядам за поддержкой, раздался одобрителный гул.

— Вы же знаете, что с напитками нельзя заходить в аудиторию.

— Так вы сами-то пьете воду обычно во время лекции.

Звонок перебил Ирину. Сегодня ее захлестнуло особенно сильно, кровь ударила в лицо, бросила мел и вышла в коридор отдышаться. Да, надо с позиции взрослого по-философски реагировать, но университетские преподаватели — совсем не педагоги. А Ирина и подавно. Была горяча, остроумна, беспокойна, поэтому и читала с высоким темпом, накалом, эмоциями. И да, она родилась в Советском Союзе, училась в лихие 90-е, мечтала о джинсах в старших классах, слушала виниловые пластинки, ездила зимой в университет на заледневшем битком набитом троллейбусе и была счастлива. А еще почти боготворила своих преподавателей. Ну или просто уважала. Другое поколение, иные ценности и уроки жизни. Новый же прекрасный цифровой мир несет свои уроки, и именно в нем рождаются новые дети.

* * *

Зашла в туалет обмыть руки от мела. За стенкой — разговор; невольно стала свидетелем:

— Ира сегодня не в духе! Заклинило ее опять с этими правилами.

— Точно! В чем проблема — кофе на паре допить? В штатах это вообще в порядке вещей на занятиях.

А дальше шла нецензурная лексика, сложная, с образованными глаголами и прилагательными. Узнала по голосам двух студенток-отличниц. К этому невозможно было привыкнуть. Даже за пятнадцать лет работы. Помнит первый год выхода из декрета, когда впервые услышала в коридоре мат, грязными словесными плевками были запачканы стены университета. Неужели это я одна слышу? А почему все молчат? Кто-то делает замечание?

А потом профессор филфака Калининс начал проводить свои акции «Мат не наш формат!» с надеждой и безысходной бесполезностью.

На второй половине пары Ткачук расположился уже на последней парте. Ирина видела, что конспект он не вел, а просто сидел в телефоне. Прекрасно владея материалом, без листочков читая лекцию, специально пошла по рядам, остановилась рядом с Иваном. Тот сделал вид, что не замечает ее, продолжал быстро набирать текст.

— Ткачук, выйдите! Не вижу смысла здесь находиться вам сегодня.

— Ирина Анатольевна, так я слушаю вас. Могу повторить. Нигде не сказано, что мы обязаны записывать лекции.

— Покиньте аудиторию, пожалуйста.

Ткачук нарочито медленно стал собирать вещи, а у Иры подскочило давление и застучало в висках.

После пары попросила одну из тех отличниц остаться, почувствовала, что ее несет, но ничего не могла сегодня с собой поделаться.

— Оля, ну скажите мне... я услышала ваш разговор случайно!

— Ох, Ирина Анатольевна, простите! Мы ж не знали... Да там ничего такого и не было сказано. Вы человек системы, что ж поделаться.

— Господи, Щербакова, да я не об этом!

— Тогда что не так было?

— Да вы же матерились как сапожники!

— Ну, знаете, Ирина Анатольевна... Это неформальная беседа была! К тому же — нормальный этап развития личности.

* * *

На большой перемене Ирину вызвал заведующий кафедрой.

— Ира! Ты с ума сошла!

— Вы о чем, Сергей Тимофеевич?

— Да о чем! О ком, лучше сказать. У четвертого курса вела утром лекцию? Там студент Ткачук. Ты же его и выгнала! Знаешь, чей он сын?! Главбуха нашего!

— Ну и что... подумаешь!

— А то, что ты нарушила его право на образование, он уже отцу пожаловался, тот его в коридоре встретил, и теперь строчит на тебя письмо ректору. Они ж сейчас все умные такие, знают свои права! Ладно, Ир, иди давай. Может, и пронесет в этот раз.

* * *

Приближалась зачетная сессия. Случай с Ткачуком забылся. Все было тихо, да и сам он что-то пропускал последнее время, вроде бы заболел. Обычная предновогодняя текучка на кафедре, подготовка к сессии. Новые тенденции нескольких лет — принимать зачеты и экзамены письменно в виде тестов. Для преподавателей значительная экономия времени, сил и нервов. А студенты еще со школьной скамьи воспринимают эту форму проверки знаний как неотъемлемую часть образования.

Ирина категорически не принимала тестирование, только беседа, «билет и при нем задача», как в одном из любимых фильмов Леонида Гайдая. В конце декабря предстояло принять несколько зачетов у четвертого курса. Первой шла группа, в которой учился Иван. Почти восемь утра. Поднимаясь по лестнице, слышала, как галдят первокурсники на четвертом этаже. Видимо, дверь аудитории еще не открыли. Она точно

могла отличить первый курс от любого другого, столько в них было школьного задора, какой-то детской дерзости и радости жизни.

Высокие окна вдоль лестничного проема... из них видна старая церковь, светло-голубая с каким-то тусклым в этом пасмурном зимнем утре золотом куполов, а за ней обрыв. Эта церквушка почти прижималась своим двориком и лавкой к университетскому двору, обнесенному металлической витой оградой. Когда Ирина была студенткой, то один двор перетекал в другой.

На большой перемене много курили, хохотали, а когда было совсем холодно и не хотелось возвращаться в универ, забегали в церковную лавку погреться, делились, правда, по два-три человека, черту не переходили. Матушка за прилавком понимала, что зашли просто так, тихо улыбалась, ничего не спрашивая. А они делали вид, что рассматривают прилавок, вдыхали сладковатый аромат церковных свечей, улыбались ей в ответ, по телу разливалось тепло, было на душе тихо и как-то смиренно.

* * *

Запустила половину группы сразу, около пятнадцати человек, остальные за дверью ждали своей очереди. Вещи, телефоны, умные часы — назад, только ручка и листочек. Ребята вытаскивали билеты и садились готовиться по одному за парту. Тишина, иногда скрипнет стул, упадет ручка, невольно вздохнет кто-то. Ирина ходила между рядами, проверяла, чтобы не списывали. Она любила эти минуты абсолютной внутренней и внешней тишины, любовалась глубокой сосредоточенностью студентов, свечением и чистотой их юности. Несмотря ни на что — новое поколение с новыми задачами в этом мире, амбиции, беспшашная уверенность в подвластности вселенной, а впереди — бесконечность таких разных страниц будущей жизни.

Первым вышел Ткачук. Ирина была напряжена. Иван волновался, краснел, но рассказывал очень бойко. Ирина задала дополнительный вопрос, Иван с легкостью ответил, щеки пылали.

— Ткачук, я так понимаю Вы на «отлично» претендуете?

— Конечно.

— Тогда ответьте мне...

Второй вопрос был из разряда «на пятерку», когда нужен блеск ума, а еще — сила мысли и хорошая спортивная злость. У Ткачука было много злости и мало блеска в попытке дать ответ.

— Ирина Анатольевна, задайте еще вопрос!

— Ткачук, я не торгуюсь. У вас «хорошо».

— Вы мне диплом испортите, неужели нельзя пойти навстречу? И потом сами ведь этими четверками нам мотивацию снижаете.

— Ну, знаете!

Ирина выставила «хорошо» в зачетку, Иван хлопнул дверью. Двоек в этот день было много, почти половина. В голове, конечно, держала установку деканата — как можно больше удовлетворительных оценок, но объективная реальность была именно такой. Наполовину неудовлетворительной.

30-го декабря тоже работали, сдавали ведомости в деканат. На кафедре запах мандаринов, кофе, суета, маленькая искусственная елочка, сквозь мишуру подрагивают на ней огни гирлянды, толпы студентов-хвостистов. Заглянул заведующий кафедрой:

— Ира, зайди, разговор есть.

Кабинет располагался через стенку.

— Сергей Тимофеич, что случилось?

— Ира, ты ведомости все сдала?

— Почти. Одна группа осталась, 4 курс.

— Где Ткачук учится? Он ведь на красный диплом идет... ты же знаешь. Мне вот опять донесли. Что ж ты творишь? Я ведь на твоей стороне всегда, Ир. Но надо гибкой быть, так нельзя, пойми! И еще... Снимают тебя с лекций — по крайней мере, на следующий семестр.

— Господи... Как это?

— Будешь практику только вести. Двоек ведь опять много поставила, Ирин! Ну, ты думай, думай головой своей, а! Сколько ведь заседаний было. Много двоек — значит, плохо учишь! К тому же, потом эта бесконечная канитель с пересдачами. Ну вот зачем тебе это надо, скажи?! Сразу бы ставила тройки, целее бы была.

В дверь заглянули. Сергей Тимофеевич махнул рукой, приглашая зайти. Ирина молча кивнула и вышла. Мир рухнул или нет? В коридоре студенческий гомон, перемена. Она шла против потока, группы плыли в противоположном направлении, узкие проходы, пару раз ее заделали рюкзаками. Ребята здоровались, поздравляли с наступающим, она кивала в ответ.

Что чувствует прима-балерина, когда ее снимают с главных ролей и переводят в кордебалет? Только Ира далеко не прима, лекции ведь не одна она читает, да и практику некому вести, кадры в образовании стареют — и очень быстро, а обновляются очень плохо.

На лекциях звучал ее собственный голос, ее личная трактовка. Ира слышала себя в этом мире, а ее слышали другие, значит, она была жива. Ей необходимо говорить, быть проводником для других поколений, звучать с ними вместе, видеть, как они растут.

Прозвенел звонок. Коридоры начали пустеть и наполняться тишиной. В кабинете английского грохнуло смехом, а вот слышен за дверью низкий поставленный баритон Сергея Тимофеевича. Ирина прислонилась к двери и даже услышала монотонное постукивание мела. В голове шумело, видимо, снова поднялось давление, надо выйти на улицу.

Пошла прямо так без куртки, не хотелось возвращаться на кафедру. Во внутреннем дворе было тихо, оттепель, с крыши медленно съезжали пласти таявшего снега. Ирина стояла под козырьком. В беседке напротив курила компания ребят, выскочили без одежды, как и она. Смеялись, что-то бурно обсуждая. На мгновение ей показалось, что один из них повернулся и даже махнул в ее сторону рукой.

Ирина быстрым шагом пересекла двор. Калитка в заборе, разделявшего университет и территорию церкви, оказалась открыта. Как давно она не была здесь! Наверное, около двадцати лет. Рядом с церковной лавочкой — громадная туя, выросла за эти годы. В остальном все было по-прежнему. Также скрипнула дверь, когда Ирина ее толкнула, тот же сладковатый запах свечей и обволакивающее тепло.

Из подсобки вышла матушка, улыбнулась и тихо поздоровалась. Глаза все те же, молодые и знающие, только годы струились ручейками морщин по лицу. Ирина тихо опустилась на лавочку у стены и расплакалась. Дверь снова скрипнула, в лавочку ввалилась шумная компания, человек пять. Видимо, те ребята, что курили в беседке. Среди них был Иван Ткачук. Он не сразу заметил Ирину, что-то громко продолжая рассказывать, вокруг него захохотали, один из них поставил на прилавок пластиковый расписной стакан с кофейными зернами.

Матушка так же, как и много лет назад, смиренно и ласково смотрела на них и тихо улыбалась.